

Ссылка для цитирования этой статьи:

Алиева Э.Б., Магомедсаидов А.Б. Административные субъекты противодействия коррупции в Российской Федерации // Human Progress. 2025. Том 12, Вып. 1. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_1/Alieva.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-1a-10.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алиева Эльмира Башировна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры административного и финансового права,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Магомедсаидов Ахмед Багаудтинович

магистрант,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются административные субъекты противодействия коррупции в Российской Федерации как многоуровневая система публичного управления, включающая органы стратегического, координационного, исполнительного, надзорного и внутриорганизационного уровня. Раскрывается содержание полномочий Президента Российской Федерации, Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, прежде всего Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений, комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, прокуратуры и организаций, обязанных реализовывать меры, предусмотренные антикоррупционным законодательством. Обосновывается, что административно-правовой механизм предупреждения коррупции имеет самостоятельное значение и не сводится к уголовному преследованию. Выявляются проблемы фрагментарного нормативного закрепления субъектного состава, неоднородности институциональных моделей и цифровизации антикоррупционного администрирования. Формулируются предложения по уточнению классификации и компетенции административных субъектов.

Ключевые слова: административные субъекты, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, прокуратура, государственное управление, профилактика коррупции.

Действующее российское законодательство о противодействии коррупции исходит из того, что данная деятельность не может быть сведена ни к уголовному преследованию, ни к ведомственной профилактике, ни к изолированному контролю за соблюдением запретов и ограничений. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ закрепляет, что им устанавливаются «правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней», а в его структуре особое место занимают статьи 5, 6, 7, 13.3-13.5, непосредственно формирующие систему субъектов, их полномочий и процедур взаимодействия [1]. Уже на уровне закона видно, что речь идет о множественности участников антикоррупционной деятельности: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы по координации деятельности в области противодействия коррупции, прокуратура, организации, а также специальные подразделения и должностные лица, на которых возложена профилактика коррупционных и иных правонарушений [1]. Именно распределение должностных полномочий позволяет рассматривать административных субъектов как систему, в рамках которой координация, контроль, профилактика, проверка сведений, дисциплинарное реагирование и информационное взаимодействие образуют единый управленческий механизм противодействия коррупции.

В науке вопрос о составе и классификации антикоррупционных субъектов остается дискуссионным, однако сама дискуссия уже свидетельствует о недостаточности сугубо формального подхода. Так, А.А. Иванова, подводя итог анализу системы противодействия коррупции, прямо указывает: «Следует четко законодательно определить состав субъектов антикоррупционной деятельности», одновременно подчеркивая необходимость их разграничения на специальные и неспециальные субъекты и требование обеспечить координацию их деятельности на всех уровнях [12, с. 59-60]. Этот вывод представляется методологически верным. Действительно, если в одних случаях противодействие коррупции составляет основную функцию соответствующего органа, то в других оно выступает одним из обязательных направлений его деятельности. Отсюда вытекает, что для исследования административных субъектов требуется учитывать не только организационно-правовой статус органа власти, но и характер его антикоррупционной компетенции: нормотворческой,

координационной, контрольной, проверочной, кадрово-профилактической, юрисдикционной, информационно-аналитической. Без такой дифференциации невозможно надлежащим образом определить место конкретного органа в системе публичной власти, оценить полноту его полномочий и выявить пробелы в законодательстве.

С доктринальной точки зрения существенное значение имеет и более широкое определение субъектного состава, предложенное С.Н. Шишкарёвым. Характеризуя антикоррупционный правопорядок, он пишет, что «субъекты противодействия коррупции – это специализированные и неспециализированные, государственные и негосударственные органы и организации», осуществляющие мероприятия профилактического и пресекающего характера [17, с. 42-43]. Данная позиция заслуживает поддержки, поскольку она позволяет преодолеть распространенное, но слишком узкое отождествление антикоррупционных субъектов исключительно с государственными органами. В действительности законодатель сам выходит за пределы такого узкого подхода: часть 1 статьи 13.3 Закона № 273-ФЗ прямо возлагает на организации обязанность разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции [1]. Следовательно, административный субъект в исследуемой сфере — это не только носитель властной компетенции в классическом смысле, но и участник публично организованной системы предупреждения коррупции, на которого соответствующие обязанности возложены законом либо который включен в реализацию антикоррупционной политики в силу своего публичного статуса. Именно поэтому корректнее говорить не об одном антикоррупционном центре, а о многоуровневой системе административных субъектов, различающихся по статусу, функциям и назначению.

Прерогатива формирования модели в этой сфере принадлежит Президенту Российской Федерации. Часть 1 статьи 5 Закона № 273-ФЗ закрепляет за Президентом полномочия по определению основных направлений государственной политики в области противодействия коррупции, установлению компетенции подведомственных ему федеральных органов исполнительной власти и определению особенностей соблюдения установленных антикоррупционных ограничений и обязанностей [1]. Данное положение последовательно осуществляется посредством принятия указов Президента. Указ от 19 мая 2008 г. № 815 был принят «в целях создания системы противодействия коррупции» и предусмотрел образование Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, председателем которого является Президент Российской Федерации [2]. Тем самым Президент выступает не только политико-правовым инициатором антикоррупционной политики, но и центральным координатором межведомственного взаимодействия. Это позволяет сделать вывод, что в российской модели именно уровень

президентского контроля задает общую архитектуру системы субъектов, определяет организационные контуры координации и обеспечивает сопряжение нормотворческих, кадровых, контрольных и информационных инструментов противодействия коррупции.

Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции занимает в этой системе особое место. Его значение определяется не самостоятельным властным мандатом по привлечению к ответственности, а возможностью вырабатывать и институционализировать межведомственные управленческие решения. Из текста Указа № 815 следует, что к основным задачам Совета отнесена подготовка предложений Президенту Российской Федерации, касающихся выработки и реализации государственной политики в области противодействия коррупции [2]. В этой части Совет представляет собой специальный координационный орган, встроенный в механизм президентского руководства. В административно-правовом смысле Совет не подменяет компетенцию органов исполнительной власти, прокуратуры или кадровых подразделений, но выступает площадкой, в рамках которой согласуются управленческие подходы, консолидируются результаты мониторинга и формируются решения, подлежащие последующей реализации через указы, поручения, планы и ведомственные акты. По нашему мнению, именно через Совет обеспечивается переход от программно-политического уровня антикоррупционной политики к управленческому, где возникают конкретные задачи для отраслевых органов и органов публичной власти субъектов Российской Федерации.

Программную роль в системе административных субъектов выполняют акты планового характера в сфере противодействия коррупции. Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 утвердил Национальный план на 2021-2024 годы и возложил на руководителей федеральных органов исполнительной власти обязанность по обеспечению соответствующих мероприятий [3]. В научном плане важно подчеркнуть, что плановые акты такого рода не создают новую систему органов, но упорядочивают уже существующую, распределяя между ними конкретные задачи, сроки и формы отчетности. Следовательно, Национальный план следует рассматривать как особый административно-правовой инструмент, посредством которого осуществляется функциональная настройка системы административных субъектов. Он содержит требования по корректировке ведомственных программ, проведению проверок, обновлению методических документов, совершенствованию кадровой политики, цифровизации контрольных процедур и анализу судебной практики. В результате план выступает связующим элементом между общими положениями Закона № 273-ФЗ и практикой антикоррупционного администрирования.

В современной редакции законодательства значительное место занимает цифровой контур противодействия коррупции, что прямо влияет на статус и функции административных субъектов. Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232 определил, что Администрация Президента Российской Федерации является координатором государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон», Федеральная служба охраны Российской Федерации — ее оператором, а Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации — федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на методическую и консультационную поддержку по вопросам ее использования [4]. Здесь особенно отчетливо проявляется современная тенденция: административный субъект противодействия коррупции определяется исходя из его компетенции и места в информационной инфраструктуре. В цифровой модели координация, контроль, проверка сведений и аналитика зависят от эффективности распределения ролей в информационной системе. Поэтому государственная информационная система «Посейдон» изменяет не сущность субъектов, а режим реализации их полномочий, делая информационное взаимодействие самостоятельным элементом административной компетенции. По нашему мнению, дальнейшее развитие антикоррупционного администрирования будет все в большей степени зависеть от нормативной определенности цифровых функций соответствующих органов.

Наряду с Президентом и Администрацией Президента ключевую роль в рассматриваемой сфере играют Правительство Российской Федерации и федеральные органы исполнительной власти. Закон № 273-ФЗ прямо устанавливает, что Правительство распределяет функции по противодействию коррупции между федеральными органами исполнительной власти, руководство деятельностью которых оно осуществляет [1]. В этой части административная природа субъектного состава проявляется наиболее отчетливо, поскольку речь идет о системе управления и осуществления публичной функции. С.Ю. Суйков справедливо отмечает, что «основные полномочия органов публичной власти» в данной сфере связаны с «регулятивно-управленческой, нормотворческой и контрольной деятельностью» [14, с. 60]. Такое понимание позволяет избежать неоправданного сведения антикоррупционной деятельности к санкционным мерам. Напротив, административные субъекты прежде всего формируют режим предупреждения коррупции: издаются акты, утверждаются планы, организуются кадровая профилактика, ведутся реестры, рассматриваются уведомления, проводятся проверки, формируются комиссии, обобщается практика, обеспечиваются внутренний контроль и информационное взаимодействие. Именно эта профилактическая и

организационная работа составляет базовую нагрузку для исполнительной ветви власти в исследуемой сфере.

Особого внимания заслуживает положение Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. По данным С.Ю. Суйкова, Минтруд России наделен полномочиями по разработке, организации внедрения и консультативно-методическому обеспечению мер, направленных на предупреждение коррупции, а соответствующая методическая помощь органам публичной власти и организациям возложена на профильное подразделение Министерства [14, с. 63]. Нормативно данный статус подтверждается и Указом № 232, закрепившим за Минтрудом методическую и консультационную поддержку по вопросам использования государственной информационной системы «Посейдон» [4]. В действующей модели именно Минтруд выступает основным специализированным федеральным органом исполнительной власти, наделенным методическими функциями. Он не концентрирует у себя весь объем полномочий антикоррупционной направленности, однако именно через него проходят ключевые методические стандарты, рекомендации по профилактике коррупционных правонарушений, подходы к урегулированию конфликта интересов, организации работы комиссий и подразделений, анализ типовых нарушений и формы внутренней профилактики. Это делает Минтруд важнейшим узлом административной координации в пределах исполнительной ветви власти.

Одним из основных инструментов антикоррупционного администрирования являются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, а также подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 утвердил положение о соответствующих комиссиях и тем самым институционализировал постоянный внутриорганизационный механизм предварительного рассмотрения конфликтных ситуаций [6]. Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309, в свою очередь, обеспечил реализацию отдельных положений Закона № 273-ФЗ и связанного с ним законодательства, в том числе применительно к перечням должностей, проверочным процедурам и информационным запросам [5]. В совокупности данные акты формируют повседневную административную инфраструктуру профилактики коррупции. В правоприменительной деятельности абстрактные требования законодательства превращаются в служебные процедуры: декларирование, анализ сведений, подготовку докладов, рассмотрение уведомлений, выработку рекомендаций, фиксацию конфликта интересов, вынесение предложений о применении взысканий. Поэтому комиссии и кадрово-профилактические подразделения следует рассматривать не в качестве вспомогательных, а в

качестве операционных административных субъектов, обеспечивающих текущую реализацию антикоррупционной политики на уровне конкретного органа или организации.

Законодатель расширяет круг административных субъектов за пределы публичного аппарата. Статья 13.3 Закона № 273-ФЗ закрепляет, что организации обязаны разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции, включая определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, сотрудничество с правоохранительными органами, принятие кодекса этики, предотвращение и урегулирование конфликта интересов и недопущение неофициальной отчетности [1]. Данное решение имеет принципиальное значение. Оно означает, что в российской модели противодействия коррупции организация частноправовой или квазипубличной природы при наличии предусмотренных законом обязанностей становится субъектом административно организованной профилактики. В этом состоит одно из ключевых отличий современного антикоррупционного регулирования: субъектная система строится не только по оси «государственный орган – должностное лицо», но и по оси «организация – внутренний комплаенс – взаимодействие с публичной властью». По нашему мнению, именно эта конструкция позволяет связать публичную антикоррупционную политику с внутренними процедурами хозяйствующих субъектов и тем самым превратить профилактику коррупции в режим, охватывающий и публичный, и корпоративный секторы.

Административные субъекты противодействия коррупции не исчерпываются органами исполнительной власти и организациями; важнейшее место в системе занимает прокуратура. Часть 6 статьи 5 Закона № 273-ФЗ закрепляет, что Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией [1]. Научная литература последовательно подчеркивает именно координационно-надзорный характер прокурорского участия. С.Ю. Суйков указывает, что Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры «играют ведущую роль» в сфере противодействия коррупции, а прокурорский надзор распространяется на все органы публичной власти и организации [14, с. 83-84]. Аналогично в учебнике под редакцией А.В. Юрковского отмечено, что прокурорский надзор «охватывает собой деятельность большого числа поднадзорных субъектов» [15, с. 169]. Следовательно, прокуратура выступает специальным административным субъектом межведомственного уровня: она не только пресекает нарушения, но и обеспечивает согласованность правоохранительной активности, проверяет исполнение законодательства, реагирует на

коррупциогенные проявления в сфере управления и использует процессуальные формы защиты публичного интереса.

Судебная власть не относится к административным субъектам в собственном смысле слова, однако судебная практика оказывает прямое структурирующее воздействие на всю систему противодействия коррупции. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 не только разъясняет вопросы уголовной ответственности за взяточничество и иные коррупционные преступления, но и формирует обязательные для правоприменителя ориентиры относительно субъектного состава коррупционных преступлений, законности оперативно-розыскных мероприятий, дополнительного наказания и необходимости вынесения частных постановлений для устранения причин и условий, способствовавших совершению коррупционных преступлений [7]. Особое значение имеет указание Пленума на необходимость выносить частные постановления в целях устранения выявленных нарушений закона и обстоятельств, способствовавших коррупции [7]. По существу, судебная власть тем самым включается в административный цикл противодействия коррупции через механизм обязательной правовой обратной связи для соответствующих органов и организаций. Это подтверждает, что судебная практика в исследуемой сфере выполняет не только охранительную, но и управленческо-ориентирующую функцию.

Еще отчетливее указанная функция проявляется в обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. В актах обобщения судебной практики по спорам о дисциплинарных взысканиях за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции зафиксировано, что наиболее часто государственные и муниципальные служащие оспаривали применение взысканий в случаях непринятия мер по предотвращению либо урегулированию конфликта интересов, а также непредставления либо представления недостоверных сведений о доходах, расходах и имуществе [8]. Из этого следует важный вывод: эффективность деятельности административных субъектов определяется не столько количеством принятых локальных актов, сколько процессуальной доброкачественностью проверок, работой комиссий, соблюдением процедур и качеством доказательственной базы. Иными словами, суд в данной сфере оценивает не абстрактную лояльность служащего антикоррупционным стандартам, а юридическую состоятельность административной процедуры. Для науки административного права это означает, что противодействие коррупции следует анализировать и как совокупность специальных запретов, и как совокупность процедурных форм их реализации.

Не менее показателен обзор судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 19.29 КоАП РФ. Сам факт

специального обобщения данной категории дел свидетельствует, что Верховный Суд рассматривает исполнение обязанностей антикоррупционного характера работодателями и организациями как самостоятельный сегмент правоприменения [9]. Это имеет принципиальное значение для исследуемой темы. Административные субъекты противодействия коррупции включают не только органы публичной власти, но и тех участников, на которых возлагаются предусмотренные законом обязанности по уведомлению, внутренней профилактике и взаимодействию с государством. Следовательно, круг субъектов антикоррупционного администрирования объективно шире круга органов государственной власти. По нашему мнению, именно здесь проявляется одна из наиболее значимых особенностей современного антикоррупционного права: расширение субъектной базы за счет юридических лиц и должностных лиц организаций, вовлеченных в осуществление публично значимых полномочий.

Прокурор как субъект противодействия коррупции особенно ярко проявляется в гражданско-процессуальном контуре. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2017 г., закрепил ряд значимых подходов относительно предмета доказывания, распределения бремени доказывания и исполнения решений по данной категории дел [10]. Дальнейшее развитие эти подходы получили в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П, где прямо указано, что бремя доказывания приобретения имущества на законные доходы лежит на лице, в отношении которого предъявлен соответствующий иск, а ограничение предмета обращения в доход государства лишь имуществом, приобретенным в период замещения публично значимой должности, способствовало бы фактической легализации незаконных доходов [11]. Для темы административных субъектов данный подход судебной практики имеет особую ценность: он показывает, что прокуратура выступает не только надзорным и координирующим органом, но и активным субъектом публично-правового восстановления нарушенного антикоррупционного порядка в судебной форме.

На региональном уровне субъектный состав также не может быть сведен к единому универсальному органу. Научно-практическое пособие под редакцией Т.Я. Хабриевой обоснованно фиксирует, что «в субъектах Российской Федерации сформирована необходимая правовая основа» противодействия коррупции, причем «центральное место в ней занимают законы субъектов Российской Федерации» [16, с. 14]. Данный вывод сохраняет актуальность и в современных условиях, хотя сегодня его следует соотносить уже с обновленной моделью

единой системы публичной власти. Часть 4 статьи 5 Закона № 273-ФЗ закрепляет, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления осуществляют противодействие коррупции в пределах своих полномочий [1]. Следовательно, региональный и муниципальный уровни не являются периферийными; напротив, на этих уровнях реализуется значительная часть кадрово-профилактических, организационных, контрольных и правотворческих мер. По нашему мнению, основная проблема здесь заключается не в отсутствии субъектов, а в различии институциональных моделей, кадровых возможностей и степени методической обеспеченности, что влечет неодинаковую эффективность реализации единых федеральных стандартов.

В научной литературе все более отчетливо прослеживается тезис о преимущественно административно-правовой природе системного воздействия на коррупцию. А.А. Морозов и В.Ю. Ухов, рассматривая проблемы административно-правового противодействия коррупции как формы девиантного поведения, подчеркивают, что воздействие на коррупцию предполагает устранение ее причин и в сложившейся ситуации наиболее эффективно «методом административно-правового воздействия» [13, с. 489]. Представляется, что данная позиция точно отражает логику действующего законодательства. Уголовно-правовые и процессуальные средства остаются необходимыми, но они включаются уже на стадии выявленного правонарушения или преступления. Административные же субъекты действуют прежде всего в режиме предупреждения: организуют декларирование, формируют комиссии, проводят проверки, устанавливают внутренние стандарты, обеспечивают кадровый контроль, ведут реестры, анализируют судебную практику, внедряют цифровые инструменты, обобщают коррупционные риски. Иначе говоря, административно-правовой механизм противодействия коррупции — это не вторичный фон для уголовного преследования, а самостоятельная нормативно-организационная среда, без которой невозможна ни профилактика, ни эффективное применение мер ответственности.

С учетом изложенного целесообразно выделить несколько основных групп административных субъектов противодействия коррупции в Российской Федерации. Во-первых, это субъекты стратегического и координационного уровня: Президент Российской Федерации, Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, Администрация Президента Российской Федерации [1], [2], [3], [4]. Во-вторых, это субъекты исполнительного и методического уровня: Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, прежде всего Минтруд России, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации [1], [3], [4], [14, с. 60, 63]. В-третьих, это внутриорганизационные профилактические субъекты: кадровые подразделения,

подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений, комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [5], [6]. В-четвертых, это специальные надзорно-координационные субъекты: прокуратура и иные правоохранительные органы в пределах их антикоррупционной компетенции [1], [14, с. 83-84], [15, с. 169]. В-пятых, это децентрализованные корпоративные субъекты: организации и их должностные лица, обязанные реализовывать меры, предусмотренные статьей 13.3 Закона № 273-ФЗ [1]. Наконец, судебные органы, не являясь административными субъектами в собственном смысле, выступают обязательным элементом институциональной среды, задающим стандарты законности и процедуры для всей системы [7], [8], [9], [10], [11].

Вместе с тем действующее регулирование не решает всех проблем. Во-первых, федеральный закон не содержит исчерпывающей легальной классификации специальных и неспециальных субъектов противодействия коррупции, хотя потребность в таком разграничении в доктрине давно сформулирована [12, с. 59-60], [17, с. 42-43]. Во-вторых, законодательство нередко закрепляет полномочия фрагментарно: часть из них содержится в самом Законе № 273-ФЗ, часть – в указах Президента, часть – в ведомственных положениях и методических актах, что затрудняет системное уяснение статуса соответствующих субъектов. В-третьих, значительная часть профилактической работы зависит от уровня профессионализма конкретных подразделений и должностных лиц, что прямо отмечается в научной литературе [12, с. 59], [16, с. 14]. В-четвертых, цифровизация создает новые возможности, но одновременно усиливает зависимость антикоррупционного механизма от качества информационного обмена, полноты данных и нормативной определенности цифровых процедур [4]. В результате система субъектов существует и функционирует, однако степень ее внутренней согласованности пока нельзя признать оптимальной.

По нашему мнению, дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути уточнения субъектного состава. Представляется целесообразным, во-первых, закрепить в Законе № 273-ФЗ общую классификацию административных субъектов противодействия коррупции с выделением координационных, профилактических, контрольных, проверочных, надзорных и комплаенс-субъектов. Во-вторых, следует более последовательно связать положения статьи 5 Закона № 273-ФЗ с нормами статей 13.3-13.5, чтобы показать, каким образом стратегические, проверочные и корпоративные субъекты включены в единую систему. В-третьих, нуждается в дальнейшем развитии нормативный статус Минтруда России как федерального методического центра, а также единые требования к подразделениям по профилактике коррупционных и иных правонарушений в федеральных и региональных органах государственной власти. В-четвертых, в связи с цифровизацией

противодействия коррупции должно быть продолжено нормативное развитие информационного взаимодействия в рамках системы «Посейдон» и унификации представляемых сведений. В-пятых, целесообразно усилить процедурную связанность между выявлением нарушений, выводами комиссий, прокурорским реагированием и обязательным учетом судебной практики, тем более что статья 6 Закона № 273-ФЗ уже предписывает не реже одного раза в квартал рассматривать вопросы правоприменительной практики по итогам вступивших в законную силу судебных решений для выработки мер предупреждения коррупции [1].

Таким образом, административные субъекты противодействия коррупции в Российской Федерации образуют многоуровневую и функционально неоднородную систему, в которой стратегическое руководство принадлежит Президенту Российской Федерации, координационное и программное обеспечение обеспечивается президентскими и правительственными механизмами, методическое сопровождение сконцентрировано прежде всего в федеральных органах исполнительной власти, повседневная профилактика осуществляется комиссиями, кадровыми подразделениями и организациями, а прокуратура выполняет координационно-надзорную и процессуально-восстановительную функцию. Судебная практика, в свою очередь, устанавливает стандарты законности деятельности всех указанных субъектов. В этом смысле административные субъекты противодействия коррупции представляют собой не систему отдельных органов, а нормативно интегрированную конструкцию публичного управления, эффективность которой зависит от качества разграничения компетенции, уровня межведомственной координации, процессуальной дисциплины и информационной связанности. Именно такой подход, по нашему мнению, позволяет адекватно оценить современное состояние российского антикоррупционного механизма и определить направления его дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 25.01.2026).
2. Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции» URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/27498> (дата обращения: 25.01.2026).

3. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (дата обращения: 25.01.2026).
4. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47769> (дата обращения: 25.01.2026).
5. Указ Президента РФ от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/36988> (дата обращения: 25.01.2026).
6. Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/31341> (дата обращения: 25.01.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 25.01.2026).
8. Обзор практики применения судами в 2014-2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207971/ (дата обращения: 25.01.2026).
9. Обзор судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208048/ (дата обращения: 25.01.2026).
10. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218993/ (дата обращения: 25.01.2026).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с

запросом Краснодарского краевого суда». URL:
<https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision791923.pdf> (дата обращения: 25.01.2026).

12. Иванова А.А. Коррупция и система противодействия: учебное пособие, под ред. Г.Н. Горшенкова. Нижний Новгород: Печатная мастерская «Радонеж», 2022. 108 с.
13. Морозов А.А., Ухов В.Ю. Административно-правовое противодействие коррупции как форме девиантного поведения // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 2, № 4. С. 479-490.
14. Суйков С.Ю. Противодействие коррупции. Калининград: Полиграфычъ, 2023. 116 с.
15. Противодействие коррупции: учебник / под редакцией А.В. Юрковского. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. 360 с.
16. Андриченко Л.В., Беляева О.А., Васильев В.И. и др.; Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: научно-практическое пособие, под ред. Т.Я. Хабриевой. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Полиграф-Плюс, 2013. 236 с.
17. Шишкарёв С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование: специальность 12.00.01 «Теория права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2010. 56 с.

ADMINISTRATIVE SUBJECTS OF ANTI-CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alieva Elmira Bashirovna

Candidate of Sciences (Economics),

Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Law Institute,

Dagestan State University,

Makhachkala, Russian Federation

Magomedsaidov Akhmed Bagaudtinovich

Master's Student,

Law Institute,

Dagestan State University,

Makhachkala, Russian Federation

Abstract. The article examines administrative subjects of anti-corruption in the Russian Federation as a multi-level system of public administration that includes strategic, coordinating, executive, supervisory, intra-organizational and corporate actors. The author substantiates that the current anti-corruption model cannot be reduced solely to criminal prosecution or departmental prevention, since it is based on a combination of normative regulation, coordination, preventive procedures, verification mechanisms, prosecutorial supervision and digital information support.

Particular attention is paid to the powers of the President of the Russian Federation, the Presidential Council for Countering Corruption, the Government of the Russian Federation, federal executive bodies, the Ministry of Labour of Russia, commissions on compliance with official conduct requirements and settlement of conflicts of interest, anti-corruption units, the prosecutor's office, and organizations required to implement anti-corruption measures under Article 13.3 of Federal Law № 273-FZ. Based on the analysis of legislation, doctrinal approaches and judicial practice, the article concludes that administrative subjects of anti-corruption form a functionally heterogeneous but normatively integrated system, the effectiveness of which depends on a clear distribution of powers, interagency coordination, procedural discipline and information connectivity. Proposals are formulated for improving legislation through a more precise classification of subjects, strengthening the methodological role of the Ministry of Labour of Russia, and further development of digital mechanisms for anti-corruption administration.

Key words: administrative subjects, anti-corruption, anti-corruption policy, prosecutor's office, public administration, prevention of corruption.

References

1. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" (as amended on 28.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (date of access: 25.01.2026).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 19.05.2008 No. 815 "On measures to combat corruption" URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/27498> (date of access: 25.01.2026).
3. Decree of the President of the Russian Federation of 16.08.2021 No. 478 "On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024". URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (accessed on January 25, 2026).
4. Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2022 No. 232 "On the Poseidon State Anti-Corruption Information System and Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation." URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47769> (accessed on January 25, 2026).
5. Decree of the President of the Russian Federation of April 2, 2013 No. 309 "On Measures to Implement Certain Provisions of the Federal Law "On Combating Corruption." URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/36988> (accessed on January 25, 2026).
6. Decree of the President of the Russian Federation of July 1, 2010, No. 821, "On Commissions for Compliance with Requirements for Official Conduct of Federal Civil Servants and the Resolution of Conflicts of Interest." Available at: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/31341> (Accessed on January 25, 2026).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013, No. 24, "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes." Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (Accessed on January 25, 2026).
8. Review of the practice of applying the legislation of the Russian Federation by courts in 2014-2016 when considering disputes related to the imposition of disciplinary sanctions for failure to comply with the requirements of anti-corruption legislation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30.11.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207971/ (date of access: 25.01.2026).
9. Review of judicial practice in cases of bringing to administrative liability provided for by Article 19.29 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30.11.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208048/ (date of access: 25.01.2026).
10. Review of judicial practice in cases involving prosecutors' applications for the transfer to the Russian Federation of property for which no evidence of its acquisition with lawful income has been presented in accordance with anti-corruption legislation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 30, 2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218993/ (accessed on January 25, 2026).

11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P "In the case concerning the review of the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and the second paragraph of paragraph 2 of Article 200, and the second paragraph of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court." URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDDecision791923.pdf> (accessed: 25.01.2026).
12. Ivanova A.A. Corruption and the Counteraction System: A Study Guide, edited by G.N. Gorshenkov. Nizhny Novgorod: Radonezh Printing Workshop, 2022. 108 p.
13. Morozov A.A., Ukhov V.Yu. Administrative and Legal Counteraction to Corruption as a Form of Deviant Behavior // Russian Deviantological Journal. 2022. Vol. 2, No. 4. pp. 479-490.
14. Suikov S.Yu. Counteraction to Corruption. Kaliningrad: Poligrafych, 2023. 116 p.
15. Combating Corruption: Textbook / edited by A.V. Yurkovsky. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2024. 360 p.
16. Andrichenko L.V., Belyaeva O.A., Vasiliev V.I. et al.; Combating Corruption in the Subjects of the Russian Federation: A Scientific and Practical Handbook, edited by T.Ya. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Polygraph-Plus, 2013. 236 p.
17. Shishkarev S.N. Legal Order in the Sphere of Combating Corruption: Theoretical and Legal Research: specialty 12.00.01 "Theory of Law and State; History of Doctrines of Law and State": abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow, 2010. 56 p.